

ЯВКА С ПОВИННОЙ

Николай КЕРНОГА,
журналист, лауреат
Государственной премии
Республики Беларусь

Уже дважды заходила в спальню жена. Звала к ужину. «Да-да, иду», – говорил, но не двигался с места. Не было сил встать с кресла. Встать и сделать самый трудный в его жизни шаг. Или не было убежденности? Полной, окончательной, бесповоротной убежденности в необходимости такого шага? А тьма за окном все сгущалась. Раскачивающийся на ветру фонарь отбрасывал на стены светлые всполохи. Несколько мгновений они причудливыми волнами зависали под потолком, затем хаотично обрушивались вниз, будто растворялись в чернично-фиолетовой темноте... Вот так и его жизнь. Немало было в ней и светлых событий, и радости, и веселья. Но сегодня они, как и эти всполохи-волны, скроются за тьмой... И ничего изменить уже будет нельзя. И потому этот шаг для него так труден. Но если все оставить как есть, ничего не менять, то он не выдержит... И потому обязательно сейчас встанет, придет в кухню, сядет за стол, за которым уже собралась семья, и скажет то, что должен был сказать двадцатилетия назад...

«ВСПОМНИТЕ, ЧЕМУ ВЫ УДИВИЛИСЬ В КУРИЛКЕ...»

Следователь, молодой человек в очках с дымчато-фиолетовыми стеклами, сказал: – Мы пригласили вас как свидетеля. Просьба у нас одна – вспомните события двадцатилетней давности...

Я посмотрел на него с недоумением: отчего это прокуратуру заинтересовало мое столь далекое прошлое? Но следователь, вновь блеснув стеклами, продолжал:

– Да-да, события двадцатилетней давности. Тогда вы работали на авторемонтном заводе в... – и он назвал небольшой белорусский город. – Вместе с вами в одной бригаде был некто Андрей Угаров. Что можете сказать о нем?

Андрея Угарова я помнил хорошо. Мы были не только ровесниками, но и единственной в нашей бригаде слесарей-сборщиков зеленой молодежи. Это, а также общие интересы и вкусы быстро сблизили нас. Мы вместе проводили время после работы – ходили в кино, на стадион, участвовали в диспутах в заводском общежитии. Андрей был на редкость общительным парнем. Веселый, остроумный, он вскоре стал душой бригады. И дело знал отлично – до этого работал в автоколонне, крутил баранку. В последний год подвело зрение, поэтому работу шофера вынужден был оставить.

Любили Андрея и за открытый, отзывчивый характер. Там, где надо было предложить помощь, он всегда был первым. При этом никогда не выпячивал своей доброты, вроде бы даже стеснялся ее. Особенно это все заметили после случая с комплектовщицей цеха. Она получила серьезную травму, потеряла много крови. Зная это, бригада в полном составе отправилась после работы в больницу. У врача, который увидел среди нас Андрея, брови поползли вверх:

– Кровь больше не нужна, вчера взяли вот у этого парня...

И указывает на Угарова. А ведь всю смену отстоял и никому ни слова.

Выслушав меня, следователь спросил:

– И тем не менее, хотя работа ему нравилась, все его уважали и любили, уволился он очень быстро. Что случилось накануне? В тот день, это было 30 ноября, бригада работала во вторую смену. Чтобы закрыть план, оставалось собрать две машины. Но выяснилось: нет крепежа для тормозной системы. Пока мастер принимал меры, я отлучился в курилку. А когда возвратился, узнал, что крепеж нашелся.

– Где? – спросил у бригадира.

– Андрей отыскал, заваялся в его тумбочке. А еще через день завод потрясло известие: погиб колхозный водитель, паренек восемнадцати лет. У только что отремонтированной машины, которую он перегонял с завода в свое село, полетели тормоза, и она врезалась во встречный грузовик.

В цехе появились сотрудники милиции. И хотя собирала ту машину не наша бригада, беседовали и с нами. Переживали трагедию все, но особенно Андрей. Весельчак и балагур, которого, казалось, ничто не могло вывести из жизнерадостного настроения, он ходил как в воду опущенный. А через неделю уволился. Для нас это было полнейшей неожиданностью. Но он объяснил: переезжает в Гомель, где живет девушка, на которой хочет жениться. И хотя до свадьбы было еще далеко, бригада, провожая Андрея, подарила ему на счастье подкову.

– С той поры мы не виделись.

– Нам это известно.

– Откуда?

– Из заявления Андрея Викентьевича в прокуратуру – запоздалой явки с повинной. Он работает мастером на одном из гомельских заводов. В своем заявлении сообщает, что по его вине погиб человек. Да, тот самый паренек, колхозный водитель. Крепеж, который Угаров якобы нашел в тумбочке, был снят им с готовой машины. С той самой, которая день спустя попала в аварию. Угаров называет свидетеля, который видел, как он это делал...

– Кого именно?

– Вас.

– ?!

– вспомните, чему вы удивились в курилке...

Ее окно выходило во двор, где стояла готовая техника. Я заметил, как от крайней машины отделился человек и, озираясь по сторонам, побежал к цеху. Но рассмотреть его не успел – было темно. Когда вернулся в бригаду, рассказал обо всем ребятам. Те еще посмеялись: чего, мол, озирался, чего боялся – вход туда никому не запрещен.

– Но теперь это не имеет никакого значения.

– Почему?

– Угаров тогда уволился и не знает, что водителя спасли. Врачи поторопились с разговором, отсюда и слух пошел, что паренек погиб.

«МАЛО КТО ЗНАЕТ, КАКОВО ЭТО – ЖИТЬ С КАМНЕМ НА ДУШЕ»

Я немедленно выехал в Гомель. И вот уже который час мы сидим в гостиничном номере, и Угаров рассказывает, чем были для него эти годы, что заставило решиться на признание.

– Ты спрашиваешь, как я жил все это время? Механически, как заводная кукла – без чувств, без эмоций. Хотя нет, были и чувства, и эмоции, но как бы тебе это сказать... Подавлялись они... Чем? В первое время страхом. Разоблачение могло последовать в любой день, в любой час. Сначала боялся этого, потом перестал. Последние годы мною владело другое. Я потерял покой, я искал искупления своей вины. Искал и не находил...

Он умолк. Я вглядывался в черты его лица и все больше узнавал в сидящем передо мною мужчине товарища моей юности. Только у того Андрея не сходила с лица улыбка, а этот не улыбнулся ни разу.

– После беседы с работниками милиции не спал всю ночь, презирал себя за малодушие. Теперь, однако, понимаю, что мне это только казалось, – будто презирал себя. На самом деле искал отговорку. И нашел ее. За неделю до этого я сделал предложение женщине, которая была старше меня и имела шестилетнего сына. Если же я, убеждал себя, сяду в тюрьму, то окажусь в их глазах

обманщиком. Мертвому же своим признанием все равно не помогу...

Страх пришел позже. Жена не могла понять, почему я, всегда такой независимый, становился суетливо-угодливым, стоило зайти в квартиру участковому. Как-то даже спросила об этом. Я ответил, что ей показалось. Но сам-то знал, что не показалось. Я ждал: вот-вот за мной придут.

Но шли годы, а за мной никто не приходил. Я решил: того, что было, не вернешь. Решил искупить свою вину всей дальнейшей жизнью и поклялся, что никогда больше не оступлюсь. Много работал, не считался со временем, и вскоре мой участок стал лучшим на заводе, а мой портрет не сходил с Доски почета.

Счастлив был и в семье. Жена родила еще двух сыновей. Родным отцом считал меня и пасынок. Так оно, впрочем, и было: ко всем детям я относился одинаково, старался проводить с ними каждую свободную минуту.

Плохо же, однако, знал себя. Все эти годы в моей душе шла невидимая работа, и однажды я ощутил ее результаты болезненно остро.

В то воскресенье мы всей семьей поехали в лес. У нас там было любимое место – солнечная поляна с ручейком посередине. Начинаясь октябрь. Осень опавшими листьями шелестела под ногами, в золото и багрянец одела деревья. Звенел от свежести и прозрачности воздух. На какое-то время все, взрослые и дети, притихли, словно боялись неосторожным словом спугнуть эту красоту. И не знаю почему, но именно в этот миг я вспомнил колхозного шофера. Я подумал, что по моей вине он никогда не сможет увидеть подобное. Мысль пришла в такой неподходящий момент, что я растерялся. А потом неожиданно для всех отправился в лес, бросился на листья и заплакал. Я понял, что так любоваться природой, как любовался ею в детстве и юности, больше никогда не смогу.

Тот день стал поворотным. Да, того, что было, не вернешь. Но от этого и не уйдешь. Окончательно перевернул мою душу Ростик. Так на участке прозвали Ростислава Тиханца, выпускника местного профессионально-технического училища.

Я его заприметил, когда он практику прохо-

дил. Паренек старательный, проворный и не по годам серьезный. Но эта серьезность ему не шла. Из-за внешности. Уж больно она у него несерьезная. Маленький, худенький, один глаз косит, на макушке вечно вихор торчит. А до чего застенчивый – слово скажет и от смущения готов сквозь землю провалиться. На участке над ним подтрунивали, но беззлобно.

Как-то приехал к нему из деревни отец. Аккуратный такой старичок, на груди – два ордена Славы. Весь день бродили они по городу, а под вечер решили покататься на теплоходе. Только отошел тот от пристани, раздался крик:

– Человек за бортом!

Перегнулся Ростик через поручни и видит барахтающуюся в реке женщину. Он пиджак с себя и – бултых в воду. Потом очевидцы рассказывали: камнем пошел на дно – плавать-то плохо. Пришлось вытаскивать и женщину, и ее спасателя.

Дело было в апреле. Ростика с воспалением легких положили в больницу. Отправился я проведать его. Спрашиваю:

– Зачем прыгал, раз плавать почти не умеешь?

– Не прыгнул бы – потом стыдно было бы отцу в глаза глядеть... Да и вы тогда говорили...

Я вспомнил собрание на участке, на котором обсуждали нравственные критерии человеческих взаимоотношений. Пришлось взять слово и мне. Высказал ребятам ту мысль, что истинно добрый, высоконравственный человек остается таким всегда, а не только в экстремальных ситуациях. Он не делит: это мелочь, это не для меня, я покажу свою доброту в другой раз, я подожду большего, чтобы можно было проявить свои качества с наилучшей полнотой... Истинно добрый человек не ждет другого раза, а творит добро всегда, когда в нем нуждаются другие.

Они слушали меня внимательно. Они не знали, что это были только слова. Что двадцать лет назад я совершил зло. Что положил на душу камень. И, наверное, мало кто знает, каково это – жить с камнем на душе... Больше жить с ним я не мог...

Угаров откинулся на спинку кресла. Лицо млажавое, а голова словно в снегу.

«НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ ИХ ГЛАЗА»

Как мне сообщили в прокуратуре, следствие по его делу закончилось быстро. Еще в те годы было установлено: авария произошла не из-за того, что не работали тормоза. Грубо нарушил правила водитель встречного грузовика. Что касается шофера, то он действительно жив. Сначала был на инвалидности, а последние годы трудится механизатором.

Когда об этом сообщили Угарову, он радовался как никогда. Нет, не за себя – за водителя. Отправляя в прокуратуру заявление, прося привлечь его к уголовной ответственности, он приготовился к худшему. Не к тюрьме – теперь это пугало его меньше всего, а к тому, что людское уважение, которое завоевывал всю жизнь, рухнет в один миг. Нельзя безнаказанно говорить высокие слова о нравственности и не заботиться о том, чтобы у этой высоты был прочный фундамент, имя которому – дело.

Много раз я спрашивал себя: мог ли Угаров прожить жизнь, так и не признавшись в том, что сделал? Думаю, не смог бы. В последние годы мысли о прошлом стали для него нестерпимо мучительными. Он судил себя беспощадным судом своей совести, и выход из этого тупика был только один – признание, раскаяние.

Муки совести вызывают скептическую ухмылку лишь у тех, кто не испытал их, да у законченных подлецов. Есть они, есть эти муки. Еще Достоевский заметил, что раскаяние – раненая совесть в действии. Живое начало души не может не стремиться к правде, какой бы горькой она ни была. Иначе у человека начинается разлад с самим собой, который рано или поздно приведет его к разладу с окружающим миром. Понимал ли это Угаров в те далекие годы, когда нам было по семнадцать с половиной?

– Очевидно, ты хочешь спросить о другом: почему я пошел на обман? Самое первое объяснение – хотел сделать доброе дело. Рассуждал я как? Сниму крепеж с готовой машины и поставлю на ту, что была в цехе. И бригаду выручу, и план будет.

А через день, в понедельник, бригада вышла опять во вторую смену. Когда увидел, что машины на заводском дворе нет, меня аж пот прошиб. Хотел рассказать обо всем мастеру, да передумал. А точнее сказать – струсил. Категорически, при любых обстоятельствах запрещалось снимать крепеж с готовых к отправке машин. И если прежде такие случаи были, пусть и редко, то после приказа прекратились... Доброе дело тут, конечно, ни при чем, и я это понимал уже тогда. Элементарнейшая недисциплинированность – вот что привело меня на заводской двор в ту злополучную ночь. Проработав в бригаде почти полгода, я не мог не знать установившегося на заводе порядка. Однако решил пренебречь им, уповая на пресловутое «авось обойдется». Не обошлось! Недисциплинированность и безответственность – родные сестры. Одно влечет за собой другое и часто третье – зло, сделку с собственной совестью.

Расставаясь, я спросил Угарова, когда он рассказал обо всем жене и сыновьям?

– Это были самые трудные минуты в моей жизни. Перед ужином я долго просидел в спальне. Уже стемнело, уже меня заждались, а я все никак не мог решиться. Будто все силы враз покинули меня. А всего-то и надо было – встать с кресла и сделать несколько шагов... Никогда не забуду их глаза. Мне хотелось крикнуть им: «Не смотрите на меня так, будто я преступник!» Но разве я мог крикнуть? Не имел права. Конечно, разволновался... Жена и старший сын успокаивают. А младший молча вышел из комнаты. Ему сейчас столько же, сколько мне было тогда, а в таком возрасте, сам знаешь, категоричности не занимать. Ну, думаю, осудил меня сын бесповоротно. Нет, через минуту вернулся, принес бумагу, ручку. Положил на стол: «Пиши, отец, письмо прокурору...»

Возвратившись из Гомеля, я через несколько дней позвонил Андрею Викентьевичу. К телефону подошла его жена:

– Уехал он... Вместе с младшим сыном. В Брестскую область. Да, к тому водителю...

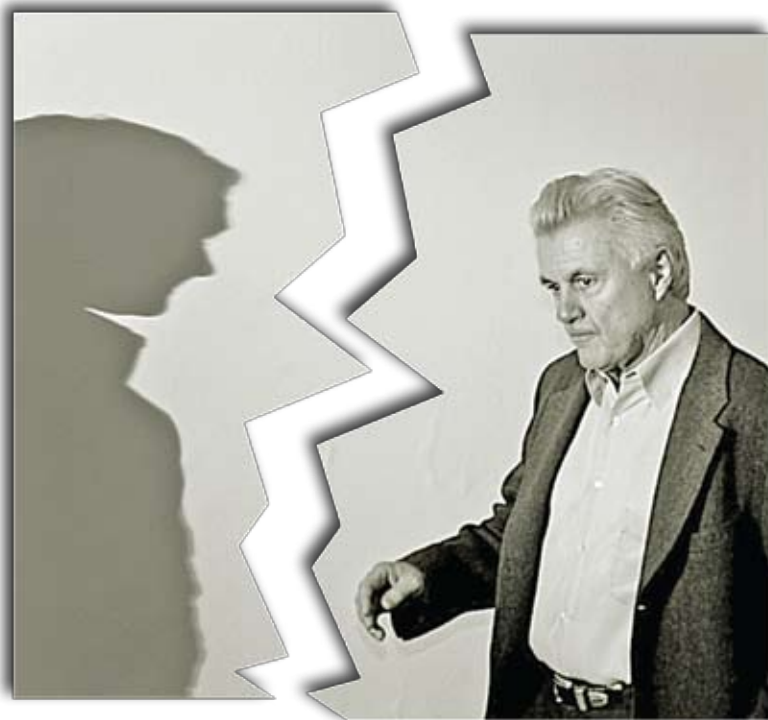
Помолчала и тихо добавила:

– Повиниться поехал...

«СИЛА – В ПРАВДЕ!»

За столиком в гостиничном кафе нас трое: Андрей Викентьевич, Владислав Михайлович и я. Их решение задержаться в Минске еще на сутки пришло спонтанно. Придя на медовую ярмарку, я с удивлением обнаружил среди пчеловодов и товарища своей юности. Все эти годы мы поддерживали связь, я знал обо всех изменениях в его судьбе. У сыновей давно свои семьи, подарили ему четверых внуков и внучку. Двое специализируются по компьютерному делу, младший стал пред-

принимателем. А сам, выйдя на пенсию, приобщился к пчеловодству. Точнее сказать, его приобщил к этому, обучил всем профессиональным секретам и хитростям Владислав Михайлович – тот самый колхозный водитель из Брестской области. Поговорить «за жизнь» на ярмарке было некогда, тогда-то и решили скоротать вечер за столиком в кафе.

Разговор долго крутился вокруг пчеловодческих проблем, и мои собеседники признали, что внимание со стороны государства к этой отрасли будет возрастать. Затем беседа стала перескакивать с темы

на тему, как вдруг Андрей Викентьевич, остановившись на полуслове, сказал: – Мужики! А ведь в ноябре 2008 года будет – подумать только! – полвека событию, к которому мы все имеем отношение...

Он умолк, задумчиво глядя на нас.

– И тридцать лет, как ты с сыном появился у меня в доме, – произнес Владислав Михайлович. – Не явился бы ты с повинной в прокуратуру, не обзавелся бы я хорошим другом, честным человеком. Да, наверное, и наша отрасль потеряла бы перспективного пчеловода... Как вы считаете?

– Это уж точно, – ответил я.

Заговорили о честности как об образе жизни и пришли к единодушному выводу: ох, не скоро честность станет востребованной обществом в полной мере. Доперестроечная и послеперестроечная неразбериха, крушение прежних идеалов и замедленное формирование новых, иные экономические отношения – все это наложило и накладывает свой отпечаток на жизненный уклад людей. Но лед тронулся. И таких, как Андрей Викентьевич и Владислав Михайлович, живущих честно, в согласии с совестью и окружающим миром, становится все больше и больше.

Мы встречались в кафе в ноябре, а в середине декабря Угаров позвонил, поздравил с Рождеством и Новым годом. Затем сказал: – Помнишь, мы тогда толковали о честности. Так вот, в продолжение темы. Захожу на днях по делам в офис коллеги Арнольда (младший сын Угарова. – Авт.) по бизнесу. Над его столом на стене висит плакат: «Сила – в правде!». Разговорились. Оказывается, плакат своего рода напоминание – предостережение всем, кто входит в комнату, что его хозяин не признает никаких «серых» схем, что его бизнес абсолютно прозрачный. А именно эта фраза выбрана потому, что Витольду – так зовут хозяина кабинета – очень нравится фильмы «Брат», «Брат-2» и Сергей Бодров как исполнитель главной роли. Лично мне эти фильмы не очень понравились, показались навязчиво воинственными. Но с выводом Бодрова – а он действительно сыграл великолепно, – что сила в правде, я полностью согласен.